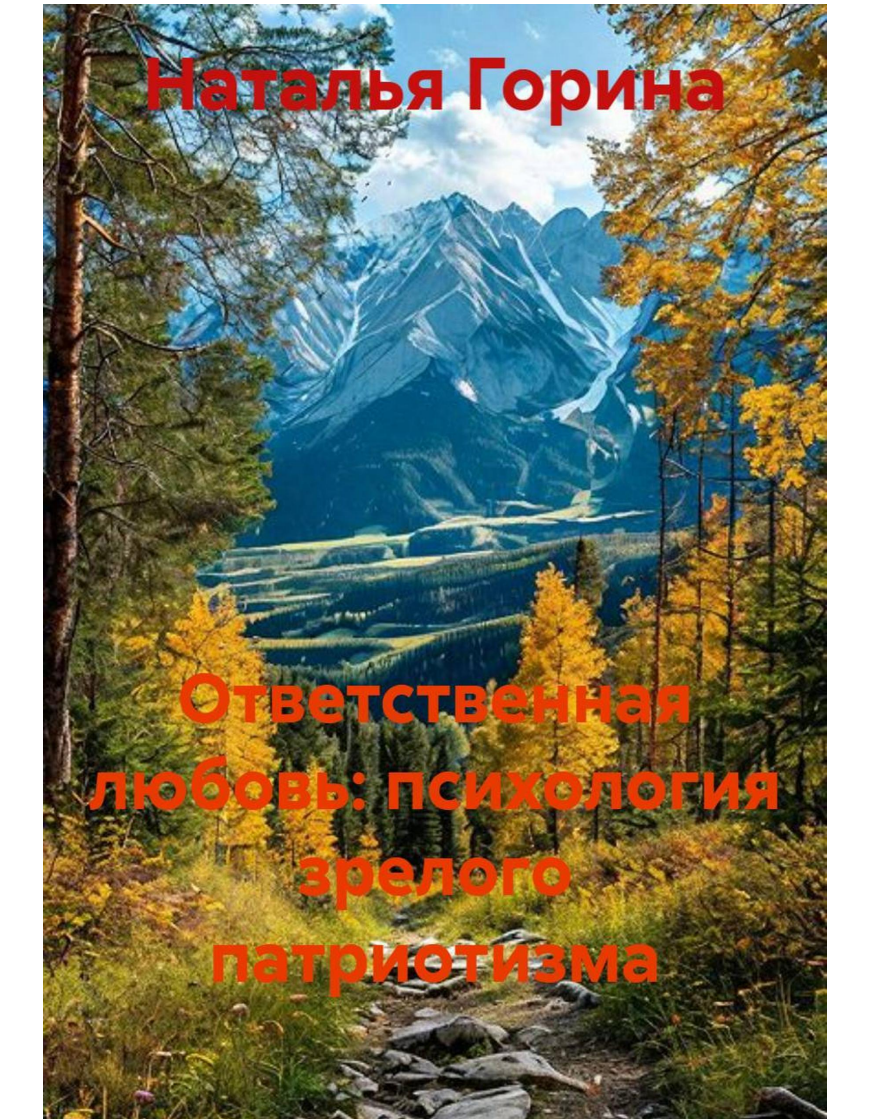

Наталья Горина

**Ответственная
любовь: психология
зрелого
патриотизма**

Наталья Горина

Ответственная

любовь: психология

зрелого патриотизма

<https://litres.ru/74216402>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тема патриотизма сложна и многогранна. Само это слово способно вызывать в обществе диаметрально противоположные эмоции: от искренней гордости и чувства единения до скепсиса и отторжения. Чтобы разобраться в этом феномене, необходимо отойти от лозунгов и рассмотреть патриотизм как философскую, социальную и психологическую категорию, у которой есть четкие определения и разветвленная типология.

Патриотизм — это пластичная субстанция, которая принимает форму сосуда, в который ее помещают: исторической эпохи, политического режима или личной философии. Он может быть силой, созидающей правовое государство и гражданское общество (конструктивный патриотизм), и одновременно инструментом, разрушающим это общество до основания через агрессивное противопоставление «мы-они» (слепой или радикальный этнический патриотизм). Понимание типологии

патриотизма — это не просто академическое упражнение, а способ найти баланс между здоровой любовью к своему дому и уважением к дому соседа.

Содержание

Содержание	5
Глава 1. Введение: зачем говорить о патриотизме?	7
Глава 2. Что такое патриотизм: определения и типы	13
Глава 3. Эволюция и психологические корни	26
Глава 4. Социальная идентичность и группа: как «мы» становится частью «я»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ответственная любовь: психология зрелого патриотизма

Содержание

- 1. Введение: зачем говорить о патриотизме?**
- 2. Что такое патриотизм — определения и типы**
- 3. Эволюция и психологические корни**
- 4. Социальная идентичность и группа**
- 5. Эмоции, ценности и смыслы**
- 6. Патриотизм и опасности: радикализация, агрессия, манипуляция**
- 7. Зрелый патриотизм: критерии и примеры**
- 8. Работа с травмой и потерями через патриотизм**

9. Воспитание гражданственности: школы и семьи

10. Практики для развития здорового патриотизма

11. Этические дилеммы и критическое мышление

12. Заключение: любовь к стране как ответственность

Глава 1. Введение: зачем говорить о патриотизме?

Я пишу эти строки в мире, где слово «патриотизм» звучит одновременно отовсюду и ниоткуда. Им размахивают как флагом на митингах. Его вбивают в школьные программы, как гвоздь в стену, — крепко, но без права задавать во-

просы. Его выкручивают на максимум в предвыборных ре-
чах и так же легко обнуляют, когда патриотическая ритори-
ка перестаёт приносить очки. И параллельно с этим — ти-
хо, почти шёпотом — миллионы людей продолжают любить
свою страну без громких слов: ходить на субботники во дво-
ре, восстанавливать старые храмы, учить детей родному язы-
ку, лечить, строить, печь хлеб, писать стихи. Они не называ-
ют это патриотизмом. Они называют это жизнью.

Почему же тогда вообще стоит говорить о патриотизме?
Может быть, лучше оставить это слово политикам и пропа-
гандистам, а для себя выбрать что-то менее скомпромети-
рованное — «гражданственность», «любовь к малой роди-
не», «общественное служение»? Я долго думала над этим во-
просом и пришла к выводу, что уход от слова — это тоже
форма капитуляции. Отдавая термин тем, кто использует его
для манипуляции и разобщения, мы оставляем за ними пра-
во определять его значение. А значение это слишком важно,
чтобы его монополизировали.

Патриотизм — это не просто слово. Это одно из самых
сильных и глубоких человеческих чувств, сравнимое по мо-
щи с любовью к родителям, к детям, к Богу. Оно способно
поднять человека на акт невероятного самопожертвования и
оно же способно бросить его в пучину ненависти к другому.
Оно строит мосты и сжигает города. Оно лечит душевные
раны и наносит новые. Игнорировать эту силу невозможно,
а делать вид, что её не существует, просто недальновидно.

В своём психотерапевтическом опыте я не раз сталкивалась с тем, как тема патриотизма всплывает в самых неожиданных контекстах. Женщина, пережившая развод, внезапно обнаруживает, что её чувство потерянности связано не только с уходом мужа, но и с утратой связи со страной, из которой она эмигрировала. Молодой человек, обратившийся с депрессией, на одной из сессий тихо признаётся: «Мне стыдно за то, что делает моя страна. Я не знаю, как с этим жить». Подросток, которого родители привели с жалобами на агрессию, на самом деле задыхается от навязанного в школе «патриотического воспитания», которое не оставляет места вопросам. Все эти люди не говорят на языке политологии, но их боль, растерянность и гнев напрямую связаны с тем, как устроено их отношение к собственной стране.

И вот здесь — первый и самый важный тезис этой книги. Патриотизм — это не политическая позиция. Вернее, не только политическая. Прежде всего это психологический феномен, глубоко личное переживание, укоренённое в нашей потребности в принадлежности, в нашем детском опыте привязанности, в нашем страхе смерти и жажде смысла. Понять свой патриотизм — значит понять что-то очень важное о себе. Исцелить свою травму, связанную со страной, — значит исцелить часть собственной души.

Я пишу эту книгу как психолог и как женщина. Это не случайное совпадение. Женский взгляд на патриотизм всегда был особенным — и всегда недооценённым. На протя-

жении веков мужской патриотизм был громким, воинственным, маршевым. Он защищал границы, поднимал полки, водружал знамёна. Женский патриотизм был другим — тихим, бытовым, хранящим. Женщины не объявляли войн, но они провожали на них сыновей и мужей, а потом ждали, молились, поднимали детей и восстанавливали разрушенное. Они были хранительницами языка, когда язык запрещали. Хранительницами традиций, когда традиции высмеивались. Хранительницами памяти, когда память пытались стереть.

Этот женский опыт заботы, сохранения и терпеливого взращивания даёт уникальную оптику для разговора о патриотизме. Я убеждена: метафора патриотизма как войны и обороны должна уступить место метафоре патриотизма как дома. А дом — это не крепость с бойницами. Это место, где живут люди — разные, не всегда согласные друг с другом, порой трудные и неудобные, но связанные общей крышей, общим бытом, общей историей. Заботиться о доме — значит не только защищать его от внешних угроз, но и следить за тем, чтобы не протекала крыша, чтобы всем хватало тепла, чтобы в нём можно было говорить правду, не боясь быть изгнанным.

Эта книга — приглашение к разговору о доме. О нашем общем доме под названием страна. И о том, как мы в нём живём, как его любим, как ссоримся и миримся, как передаём ключи следующим поколениям. Я не обещаю простых ответов — у психологии их вообще мало. Но я обещаю, что

мы будем думать вместе. Смотреть вглубь, а не по верхам. Не бояться сложных, неудобных, порой болезненных вопросов. Потому что только так — пройдя через честный разговор с собой и своей страной — можно прийти к той форме любви, которая не разрушает, а созидает.

Мы начнём с азов: что вообще означает это слово и какие типы патриотизма выделяют исследователи. Затем мы спустимся в эволюционные и психологические глубины этого чувства, чтобы понять, почему оно обладает такой властью над нами. Мы исследуем, как патриотизм связан с нашей идентичностью, с нашими эмоциями и смыслами. Мы честно посмотрим на его тёмную сторону — на то, как патриотизм может становиться инструментом манипуляции, оправданием агрессии, топливом для радикализации. Мы поговорим о травмах — коллективных и личных — и о том, можно ли исцелиться от них, не переставая любить. Мы обсудим, как воспитывать гражданственность в семье и школе и какие практики помогают развивать здоровый, зрелый патриотизм в себе и в своём сообществе. Мы не обойдём стороной этические дилеммы — те вопросы, на которые нет и не может быть окончательного ответа, но которые необходимо задавать. А в конце я расскажу вам историю — не вымышленную, а сотканную из множества реальных судеб, — которая покажет, как всё, о чём мы говорили, воплощается в живой человеческой жизни.

Я не знаю, кто вы, читатель или читательница этой кни-

ги. Возможно, вы учитель, уставший от формальных «уроков патриотизма» и ищущий живого подхода. Возможно, вы родитель, которого дети ставят в тупик неудобными вопросами. Возможно, вы студент, пытающийся разобраться в собственной идентичности посреди шума информационной войны. Возможно, вы просто человек, который чувствует, что «патриотизм» — это что-то важное, но никак не может найти для себя приемлемую форму этого чувства. Кем бы вы ни были, эта книга для вас.

И последнее. Я прошу вас читать её не как монолог автора, а как диалог — со мной, с собой, с теми, кто рядом. Спорьте. Сомневайтесь. Не соглашайтесь. Откладывайте книгу и возвращайтесь к ней через неделю. Записывайте свои мысли на полях. Патриотизм — не догма, которой нужно подчиниться, а пространство свободы, в котором каждый находит свой путь. Моя задача — не указать вам этот путь, а дать карту, компас и, надеюсь, немного смелости для собственного путешествия.

Давайте начнём.

Глава 2. Что такое патриотизм: определения и типы

Спросите десять человек на улице, что такое патриотизм, и вы услышите десять разных ответов. Один скажет: «Это любовь к Родине». Другой добавит: «Готовность её защищать». Третий поморщится: «Это когда кричат, что мы самые великие, а сами в грязи живём». Четвёртый вздохнёт: «Это память о деде, который погиб на войне». Пятый процитирует школьный учебник. Шестой — анекдот. Седьмой вообще откажется отвечать, потому что слово «запачкано». И каждый будет по-своему прав, потому что патриотизм — это не монолитное понятие, которое можно уложить в одну словарную дефиницию. Это сложный, многомерный феномен, в котором сплетаются эмоции, убеждения, ценности, поведенческие паттерны и политические идеологии.

В этой главе мы попробуем навести некоторый порядок в этом хаосе смыслов. Не для того, чтобы выбрать «правильное» определение и объявить остальные неверными, а для того, чтобы увидеть всю палитру значений, понять их психологические корни и научиться различать оттенки, которые на первый взгляд кажутся одинаковыми. Это необходимо для всего дальнейшего разговора: когда мы будем говорить о «зрелом» или «слепом» патриотизме, о патриотизме «конституционном» или «этническом», мы должны точно понимать, что вкладываем в эти термины.

Этимология и эволюция понятия

Слово «патриотизм» имеет древние корни. Греческое πατριώτης (patriotes) означало «соотечественник», «земляк» и происходило от πατήρ (pater) — отец. Латинское patria переводилось как «отечество», «земля отцов». Таким образом, уже в самой этимологии заложена важнейшая метафора: патриотизм — это связь с землёй предков, с отчим домом, с корнями. Интересно, что в обоих языках корень слова указывает на отца, а не на мать, хотя в русской традиции образ Родины-матери является, пожалуй, даже более архетипически мощным. Мы ещё вернёмся к этому в следующих главах, когда будем говорить о психологии привязанности.

В античности понятие патриотизма было тесно связано с гражданством и полисом. Любовь к отечеству для грека или римлянина была, прежде всего, любовью к своему городу-государству, его законам, его богам, его укладу жизни. Это был гражданский патриотизм — лояльность не этнической общности, а политическому сообществу. Сократ, принявший смерть по приговору афинского суда, мотивировал свой отказ бежать именно патриотическим долгом перед законами полиса.

Средневековье добавило к этому религиозное измерение: патриотизм сплетался с верностью христианскому миру, с защитой веры. В Новое время, с возникновением национальных государств, патриотизм постепенно приобрёл современные очертания — он стал связываться не с городом и не с религией, а с нацией. Французская революция породила мощ-

ный всплеск национального чувства, соединив патриотизм с идеями свободы, равенства и братства. С тех пор патриотизм и национализм идут рука об руку, временами поддерживая, а временами подменяя друг друга.

Три подхода к определению

В современной науке и философии можно выделить три основных подхода к определению патриотизма. Они не исключают друг друга, а, скорее, высвечивают разные грани явления.

1. Эмоционально-ценностный подход

С этой точки зрения патриотизм — это, прежде всего, чувство. Чувство любви, привязанности, преданности своей стране и своему народу. Философы и поэты веками пытались описать это чувство словами. Пушкин писал о «любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам». Лермонтов говорил о «странной любви», которая «не победит рассудок мой». Толстой мучительно размышлял о том, является ли патриотизм добродетелью или пережитком варварства. Во всех этих рефлексиях общее одно: патриотизм переживается как глубокая, интимная эмоция, уходящая корнями в детство, в первые воспоминания, в запахи и звуки родного дома.

Психологически этот аспект патриотизма тесно связан с теорией привязанности, о которой мы будем подробно говорить в третьей главе. Ребёнок привязывается не только к конкретным людям, но и к месту, к ландшафту, к языковой сре-

де. Эта ранняя привязанность становится прототипом будущего патриотического чувства. Именно поэтому патриотизм так часто описывают в терминах родства: Родина-мать, отечество, земля отцов.

Эмоциональный подход к патриотизму подчёркивает его бескорыстный, иррациональный характер. Настоящий патриот любит свою страну не за что-то конкретное — не за её богатство, не за её военную мощь, не за её демократические институты, — а просто потому, что она его. Как любят мать. Как любят ребёнка. Это чувство не требует обоснований и не подчиняется логике выгоды.

2. Деятельностный подход

Чувства, не подкреплённые действиями, остаются пустыми декларациями. Поэтому второй подход к определению патриотизма делает акцент на поведенческом аспекте. Патриотизм — это не то, что человек чувствует, а то, что он делает. Он платит налоги, не потому что боится штрафа, а потому что осознаёт их как вклад в общее благо. Он участвует в субботнике. Он идёт на выборы. Он защищает страну с оружием в руках или, напротив, выходит на антивоенный митинг, считая, что именно это — истинная защита Отечества.

Деятельностный подход близок к понятию гражданственности. Он подчёркивает ответственность гражданина за судьбу своей страны и его активную роль в её жизни. Патриотизм здесь — не пассивное переживание, а сознательная

практика. Это понимание патриотизма лежит в основе волонтерского движения, экологического активизма, местного самоуправления и множества других форм гражданского участия.

3. Структурно-политический подход

Третий подход рассматривает патриотизм не как личное чувство или поведение, а как идеологический конструкт. С этой точки зрения патриотизм — это система идей и символов, которые создаются и поддерживаются государством, элитами, системой образования и СМИ для консолидации общества и легитимации власти.

Критики этого подхода — от марксистов до постмодернистов — видят в патриотизме инструмент манипуляции, «опиум для народа», который заставляет бедных и угнетённых поддерживать систему, эксплуатирующую их, потому что «так надо для Родины». В этой логике «патриотизм — последнее прибежище негодяя», как гласит известный афоризм, приписываемый Сэмюэлю Джонсону. Доля истины в этом, безусловно, есть, и в шестой главе мы подробно разберём механизмы того, как патриотическая риторика используется для манипуляции.

Однако сводить патриотизм целиком к манипуляции было бы такой же крайностью, как и сводить его к чистому и светлому чувству, свободному от любых политических примесей. Реальность сложнее. Патриотизм всегда существует на пересечении личного и политического, интимного и идео-

логического. Именно это пересечение и делает его таким интересным — и таким взрывоопасным — предметом для исследования.

Типология патриотизма

Теперь, имея в виду три аспекта патриотизма — эмоциональный, деятельностный и идеологический, — мы можем обратиться к типологии. Какие формы принимает патриотизм в разных контекстах и у разных людей? Исследователи, от философов до социальных психологов, предлагают различные классификации. Я выбрала те из них, которые наиболее важны для понимания психологической природы патриотизма и которые будут постоянно возникать в последующих главах.

Конституционный (гражданский) патриотизм

Этот тип патриотизма основан не на этнической принадлежности, не на общей истории и не на культурных традициях, а на добровольной приверженности определённым политическим принципам. Человек любит свою страну не за «кровь и почву», а за то, что она воплощает или стремится воплотить определённые ценности: демократию, права человека, верховенство закона, социальную справедливость.

Термин *Verfassungspatriotismus* — «конституционный патриотизм» — был предложен немецким философом Юргеном Хабермасом в контексте послевоенной Германии. Для страны, чья национальная идентичность была неразрывно связана с преступлениями нацизма, традиционный этниче-

ский патриотизм был невозможен и опасен. Выходом стал патриотизм, направленный не на народ как этнос, а на конституцию и демократические институты.

С психологической точки зрения конституционный патриотизм обладает рядом преимуществ. Он инклюзивен. гражданином и патриотом может быть человек любой национальности и происхождения, разделяющий ценности общества. Он не требует слепой веры в непогрешимость государства — напротив, он предполагает критику, когда государство отступает от провозглашённых принципов. Он основан на сознательном выборе, а не на предписанной идентичности. Однако у него есть и уязвимость: он требует достаточно высокого уровня политической культуры и рефлексии, а также работает лучше всего в стабильных демократических обществах.

Этнический (примордиальный) патриотизм

Этот тип патриотизма уходит корнями в догосударственную эпоху и основан на общности происхождения, языка, культуры, традиций. Он воспринимает нацию как расширенную семью, связанную кровными узами. Метафора «Родины-матери» принадлежит именно этому типу патриотизма, так же как и риторика о «зове крови» и «земле предков».

Этнический патриотизм эмоционально очень силён, потому что он апеллирует к самым глубинным слоям психики — к архетипам рода, к чувству сопричастности цепи поколений. В трудные времена, когда другие формы идентично-

сти рушатся, этническая принадлежность остаётся последней опорой. Именно поэтому этнический патриотизм так легко мобилизуется в моменты кризисов.

Однако он же несёт в себе и наибольшие риски. Этнический патриотизм по определению исключает тех, кто не принадлежит к этническому большинству, даже если они являются гражданами страны. Он легко переходит в национализм и ксенофобию, особенно когда дополняется идеей превосходства своего народа над другими. В следующих главах мы будем часто возвращаться к этой границе между этническим патриотизмом и национализмом — границе, которую так легко перейти.

Слепой и конструктивный патриотизм

Эта дихотомия, предложенная социальными психологами Робертом Шацем и Эрвином Стаубом, является центральной для всей нашей книги. Она касается не столько объекта патриотической лояльности (этнос или конституция), сколько способа отношения к этому объекту.

Слепой патриотизм характеризуется некритичным принятием всего, что делает страна. Его девиз: «Моя страна — права она или нет». Он не терпит вопросов, не выносит критики, воспринимает любые сомнения как предательство. Психологически это инфантильная позиция: страна воспринимается как идеализированная родительская фигура, которая не может ошибаться, а если кажется, что ошибается — значит, мы чего-то не понимаем или нам лгут враги. Слепой патриотизм

сильно коррелирует с авторитарными чертами личности, о которых мы будем говорить в шестой главе.

Конструктивный патриотизм сочетает любовь к стране со способностью к критическому анализу. Конструктивный патриот тоже испытывает гордость за достижения своего народа и боль за его неудачи. Но он убеждён, что указывать на недостатки — это не акт нелояльности, а проявление подлинной заботы. Он не говорит: «Всё плохо, и страна ужасна». Он говорит: «Я люблю эту страну, и именно поэтому я хочу, чтобы она стала лучше». Конструктивный патриотизм связан с политической активностью, с волонтерством, с участием в гражданских инициативах.

Важно понимать, что это не деление людей на «хороших» и «плохих» патриотов. Скорее, это два полюса, между которыми располагается большинство реальных людей. В разных ситуациях один и тот же человек может проявлять черты и слепого, и конструктивного патриотизма. Кроме того, переход от слепого патриотизма к конструктивному — это часть процесса психологического взросления, как личности, так и общества в целом.

Локальный, государственный и имперский патриотизм
Эта классификация касается масштаба «воображаемого сообщества», на которое направлено патриотическое чувство.

Локальный патриотизм — это любовь к малой родине: к своему городу, деревне, району, улице. Для маленького ре-

бёнка патриотизм всегда начинается именно с этого уровня. Он любит свой двор, свою песочницу, свой подъезд. Здесь нет абстракции — всё конкретно, осязаемо, пронизано личными воспоминаниями. Многие люди на всю жизнь сохраняют этот локальный патриотизм как наиболее тёплую и живую форму связи со страной.

Государственный (державный) патриотизм — это любовь к государству, к его институтам, к его флагу и гимну, к его месту на международной арене. Он часто связан с гордостью за военную мощь, за территориальные размеры, за исторические победы. В российской традиции этот тип патриотизма исторически очень силён и часто обозначается словом «державность». Его психологическая функция — дать человеку чувство причастности к чему-то большому и сильному.

Имперский (цивилизационный) патриотизм характерен для крупных многонациональных образований, где любовь к Отечеству распространяется не на территорию или этнос, а на глобальную миссию цивилизации. Римский гражданин гордился не столько городом Римом, сколько *Pax Romana* — миром и порядком, который Рим нёс всему известному миру. Советский патриотизм отчасти носил имперский характер, будучи связан не столько с конкретной республикой, сколько с миссией построения коммунизма во всём мире.

Экономический патриотизм

Это относительно новый термин, описывающий осознанное предпочтение товаров и услуг, произведённых в своей

стране. Экономический патриотизм мотивирован не только эмоциональной привязанностью, но и рациональным расчётом: поддерживая отечественного производителя, мы создаём рабочие места, сохраняем деньги внутри страны, снижаем зависимость от импорта. В последние десятилетия этот тип патриотизма приобрёл особую популярность — от кампаний «Покупай отечественное» до движений за продовольственный суверенитет.

С психологической точки зрения экономический патриотизм интересен тем, что он переводит патриотическое чувство в плоскость повседневного потребительского выбора. Не нужно идти на митинг или в армию — достаточно выбрать местный сыр вместо импортного. Это делает патриотизм доступным и осязаемым, но также и создаёт иллюзию, что гражданское участие можно свести к шопингу.

Этими шестью типами — конституционный, этнический, слепой и конструктивный, локальный/государственный/имперский, экономический — типология патриотизма далеко не исчерпывается. В следующих главах мы столкнёмся и с другими его формами: «кухонным» патриотизмом (любовь к родной кухне), «спортивным» патриотизмом (идентификация со сборной), «культурным» патриотизмом (гордость за великую литературу и музыку) и многими другими. Но для начала нам достаточно этого категориального аппарата, чтобы двинуться дальше — вглубь, к психологическим корням патриотизма.

Главное, что я хочу донести этой главой: патриотизм — не единое и неделимое чувство. Он многолик, многослоен и зачастую противоречив. В одном человеке могут уживаться черты разных типов, и они могут конфликтовать друг с другом, создавая то самое внутреннее напряжение, которое и делает тему патриотизма такой живой и такой трудной для осмысления. Принимать эту сложность, не пытаясь свести всё к одному знаменателю, — первый шаг к зрелости, к которой мы будем идти на протяжении всей книги.

Глава 3. Эволюция и психологические корни

Если предыдущие главы познакомили нас с определениями и внутренним устройством патриотизма, то теперь мы спускаемся еще глубже — к самому фундаменту. Мы зададим неудобный вопрос: является ли патриотизм чисто культурным изобретением или у него есть биологическая и эволюционная подложка? И почему чувство, обращенное к такому абстрактному конструкту, как «нация», ощущается нами столь телесно и неотвратно — комом в горле при звуках гимна, теплом в груди при виде родного пейзажа, яростью при символическом оскорблении флага?

Ответ лежит в глубинах нашей психики, которые сформировались задолго до появления государств, конституций и границ. Патриотизм — это не архаизм, от которого можно просто отказаться, а культурная надстройка над чрезвычайно устойчивым биопсихологическим каркасом. Разберем этот каркас по элементам.

3.1. Племя внутри нас: эволюционная логика «своих»

С точки зрения эволюционной психологии, наши предки на протяжении 95% истории существовали небольшими группами охотников-собирателей. Выживание индивида было абсолютно невозможно вне группы. Изгнание означало смерть. В таких условиях отбор безжалостно поддерживал психические механизмы, которые обеспечивали сплю-

ченность, кооперацию и бдительность к чужакам.

Ин групповой фаворитизм — склонность отдавать предпочтение членам своей группы — является не пороком, а базовой настройкой мозга. Эксперименты с младенцами показывают, что уже в возрасте нескольких месяцев дети предпочитают тех, кто говорит на знакомом языке, и с подозрением реагируют на «чужаков». Это наша заводская прошивка.

Что же превращает простое скопление людей в «племя», за которое человек готов умереть? Эволюционные психологи выделяют несколько сигналов слияния:

- Совместная трапеза и ритуалы (предок общих праздников и застолий).
- Общие символы и татуировки (прообраз флагов и гербов).
- Синхронные движения (марш, танец, строевая подготовка) — они повышают болевой порог и уровень эндорфинов, создавая чувство единства.

- Наличие общей угрозы — самый мощный «клей» для группы.

Патриотизм заимствует эти древние шаблоны. Парад, общий гимн, размахивание флагом — это ритуализированные формы племенной магии, мгновенно превращающие миллионы незнакомцев в «наших». Наш мозг не отличает реаль-

ную малую общину от «воображаемого сообщества» нации, если ему дать правильные сенсорные стимулы.

3.2. Территориальность и психология места

Помимо привязанности к людям, существует глубинная связь с землей. Этологи (исследователи поведения животных) называют это территориальным императивом. У многих видов есть врожденная мотивация защищать свой участок, причем агрессивность возрастает по мере приближения к его центру.

У человека этот инстинкт преобразился в сложные чувства. Понятие «родная земля» пропитано не только физической, но и химической конкретикой. Запахи, ландшафт, тип растительности, даже освещение записываются в память через лимбическую систему. Феномен «топофилии» (любовь к месту), описанный географом И-Фу Туаном, показывает, что привязанность к ландшафтам детства формирует нашу идентичность наравне с привязанностью к людям. Когда человек говорит: «Здесь моя родина», — он буквально имеет в виду, что именно в этом пейзаже его нервная система чувствует себя укорененной и безопасной. Потеря родины переживается как фантомная боль — отсюда столь травматичный опыт эмиграции и ностальгии.

3.3. Биохимия принадлежности: гормоны сплочения

Эволюционные механизмы не витают в воздухе, они встроены в нейрохимию нашего мозга. Основной дирижер здесь — окситоцин. Долгое время его считали гормоном

материнства и романтической привязанности, но оказалось, что это молекулярный ключ к любому «Мы».

Окситоцин усиливает доверие и щедрость по отношению к членам своей группы, одновременно повышая защитную агрессию против аутсайдеров. Получается, что на биологическом уровне любовь к «своим» и оборона от «чужих» — две стороны одной медали, регулируемые одним веществом. Парадокс в том, что именно гормон любви делает возможным патриотическое самопожертвование, но он же лежит в основе ксенофобии. Патриотические церемонии — с их пением, телесным контактом, общей радостью — являются гигантским социальным окситоциновым насосом, предназначенным для сплочения большой группы.

3.4. Страх смерти и символическое бессмертие: взгляд экзистенциальной психологии

Одной из самых влиятельных теорий, объясняющих психологические корни патриотизма, является теория управления страхом смерти (Terror Management Theory). Ее авторы — психологи Джефф Гринберг, Шелдон Соломон и Том Пищинский — утверждают, что уникальное человеческое знание о собственной смертности порождает невыносимый ужас. Чтобы справиться с ним, психика строит культурные мировоззрения — разделяемые системы убеждений, которые дают человеку ощущение ценности, смысла и, главное, символического бессмертия.

Патриотизм и национальная идентичность — одна из

мощнейших таких систем. Отождествляя себя с нацией, я становлюсь частью чего-то бессмертного, «переживущего» мою биологическую оболочку. Отсюда такая сакральность вокруг «крови героев», «вечной памяти», могилы Неизвестного солдата. Угроза стране воспринимается на подсознательном уровне как угроза личного бессмертия, а критика Родины — как покушение на самую мою защиту от ужаса небытия.

Эксперименты ТМТ многократно показывали: напоминание о смерти (mortality salience) резко усиливает патриотические чувства и агрессию к тем, кто критикует страну. Этим объясняется, почему во времена эпидемий, катастроф и войн общество инстинктивно сплочивается вокруг флага и лидера — включается древний механизм защиты от страха через консолидацию «своих».

3.5. От родства к нации: как раздвигались границы «Мы»

Но как эволюция, нацеленная на любовь к родственникам и членам малой группы, могла породить патриотизм к многомиллионной стране? Здесь вступает в игру способность человеческого разума к символическому расширению.

Психолог Джонатан Хайдт описывает это как работу «морального переключателя»: наша склонность к альтруизму и самопожертвованию изначально запускалась только сигналами близкого родства. Но культурная эволюция натренировала эти же системы реагировать на гораздо более абстрактные символы. Язык, общая историческая память, религия,

идеология становятся триггерами, «обманывающими» древний мозг, заставляя его относиться к незнакомому согражданину как к родственнику.

Миллионы лет эволюции отточили нашу способность любить «своих», ненавидеть угрожающих «чужих» и находить покой в знакомом ландшафте. Патриотизм упаковывает эти древние импульсы в оболочку гражданственности, истории и культуры. И здесь мы подходим к ключевому этическому рубежу: наши эволюционные и психологические корни делают слепой, агрессивный патриотизм легким и соблазнительным путем, а конструктивный, зрелый патриотизм — осознанным усилием. Понимание этих корней — первый шаг к тому, чтобы не стать рабом инстинкта, а взять этот мощный ресурс под контроль зрелого разума, о чем мы будем говорить в последующих главах, посвященных идентичности, эмоциям и практике здоровой гражданственности.

Глава 4. Социальная идентичность и группа: как «мы» становится частью «я»

В предыдущей главе мы исследовали эволюционные истоки патриотизма — древние механизмы выживания, привязанности к территории и управления страхом смерти. Но биология лишь задает потенцию. Превращение младенца,

который не отличает «своих» от «чужих» по национальному признаку, в гражданина, испытывающего глубокую эмоциональную связь с миллионами незнакомцев, происходит благодаря процессам, изучаемым социальной психологией. В этой главе мы рассмотрим, как социальная идентичность формирует патриотическое «Мы» и как это коллективное измерение проникает в структуру нашего «Я», определяя чувства, мысли и поступки.

4.1. От личного «Я» к коллективному «Мы»: основы теории социальной идентичности

Каждый из нас обладает множеством ответов на вопрос «Кто я?». Часть этих ответов относится к личностной идентичности — уникальным чертам, предпочтениям, биографии. Другая же часть укоренена в социальной идентичности — осознании своей принадлежности к определенным группам. Психологи Анри Тэджфел и Джон Тёрнер в 1970–1980-х годах разработали теорию, которая объяснила, как групповая принадлежность становится неотъемлемым компонентом самовосприятия.

Социальная идентичность, согласно этой теории, включает три этапа:

1. Социальная категоризация — мы распределяем людей (в том числе себя) по категориям: «мужчины/женщины», «молодежь/взрослые», «русские/американцы», «болельщики этой команды/той команды».

2. Социальная идентификация — мы принимаем членство в категории как часть своей Я-концепции, начинаем говорить «мы».

3. Социальное сравнение — мы сравниваем свою группу с другими, стремясь к позитивной самооценке.

Применительно к патриотизму эта модель означает: я категоризую себя как гражданина определенной страны (россиянин, француз, бразилец), идентифицируюсь с этой категорией, и, чтобы чувствовать себя хорошо, я склонен оценивать свою национальную группу выше, чем другие (хотя бы по некоторым параметрам).

Эксперименты Тэджфела с «минимальной групповой парадигмой» потрясли научный мир. Участников делили на группы по абсолютно случайному, тривиальному признаку (предпочтение одной из двух картин художников-абстракционистов). Никакой истории взаимоотношений, никакой конкуренции за ресурсы. И тем не менее люди начинали распределять вознаграждение в пользу «своих», максимизируя разницу между группами, даже если это снижало общую выгоду. Это показало, что одного факта категоризации достаточно для возникновения ингруппового фаворитизма. Теперь представьте, насколько мощнее этот механизм, когда деление на «своих» и «чужих» подкреплено столетиями общей истории, языком, культурой, символикой и системой образования.

4.2. Нация как «воображаемое сообщество»: уникальный тип группы

Историк Бенедикт Андерсон назвал нацию «воображаемым сообществом». Воображаемым — не в смысле вымышленности, а в том, что члены этого сообщества никогда не встретят большинства своих сограждан, но в их сознании живет образ этой общности и убеждение в ее реальности. С психологической точки зрения, патриотизм — это идентификация с воображаемым сообществом такого масштаба, что его невозможно познать через личный опыт.

Уникальность национальной идентичности состоит в её:

- Безличности — я не выбираю «своих» сограждан, я с ними не знаком;
- Исторической глубине — я связан с умершими предками и еще не родившимися потомками;
- Символической плотности — флаг, гимн, герб, исторические фигуры, тексты создают «вещество» идентичности.

Идентификация с нацией требует когнитивного скачка: ребенок изначально привязан к конкретным людям и местам, и лишь к 7–10 годам формируется понятие национальности как устойчивой характеристики, а полноценное патриотическое чувство с ценностным наполнением складывается в подростковом возрасте. Таким образом, патриотизм — это психосоциальное достижение, построенное на базе более

ранних привязанностей.

4.3. Когнитивные процессы: как мозг творит «нацию»

Чтобы управлять сложным социальным миром, мозг прибегает к упрощениям. Социальная категоризация по национальному признаку — один из таких инструментов. Автоматически, без сознательных усилий, мы относим людей к «нашим» или «не нашим» по маркерам: акцент, внешность, упоминание страны, флаг на одежде.

На основе этих категорий формируются прототипы — обобщенные образы типичного представителя группы. Для патриотического сознания существует прототип «настоящего патриота» — человека, который разделяет определенные ценности, чтит традиции, возможно, служил в армии или участвовал в общественной жизни. Чем сильнее моя идентификация с группой, тем сильнее я стремлюсь соответствовать этому прототипу.

Другой важный процесс — деперсонализация. Речь не о расстройстве, а о нормальном механизме самовосприятия: в определенные моменты я воспринимаю себя не как уникальную личность, а как взаимозаменяемого представителя группы. Когда я стою в толпе болельщиков, поющих гимн, я чувствую единение, и моя индивидуальная тревога растворяется в коллективном «Мы». Этот механизм лежит в основе массовых патриотических подъемов и позволяет людям жертвовать личными интересами ради группового блага.

4.4. Национальная гордость, самооценка и «лучи отражен-

ной славы»

Одна из ключевых функций социальной идентичности — поддержание позитивной самооценки. Гордиться своей страной — это косвенный способ гордиться собой. Психологи называют это «купанием в лучах отраженной славы» (BIRGing — Basking In Reflected Glory): когда наша группа добивается успеха, мы чувствуем личное удовлетворение, даже если наш вклад был нулевым. Именно поэтому победы на Олимпиадах или научные прорывы вызывают прилив патриотических чувств по принципу «мы победили», «мы изобрели».

Столь же показателен и обратный феномен — «отсечение отраженных неудач» (CORFing — Cutting Off Reflected Failure). Когда национальная группа совершает неблагоприятные действия, люди могут дистанцироваться, подчеркивать свою нетипичность или перекладывать вину на конкретных политиков, чтобы сохранить чистоту идентичности. Этот защитный маневр оберегает Я-концепцию от болезненного удара.

Когда же дистанцироваться невозможно, срабатывают иные защиты: угроза национальной идентичности (например, военное поражение или международная критика) вызывает стыд, гнев, и часто приводит к усилению ингруппового фаворитизма и враждебности к источнику угрозы. Это объясняет, почему внешнее давление часто не ослабляет, а, напротив, цементирует слепой патриотизм.

4.5. Множественные идентичности и конфликт лояльно-

стей

Никто из нас не является только «патриотом». Наше «Я» соткано из многих идентичностей: профессиональной, семейной, региональной, этнической, религиозной, общечеловеческой. Они сосуществуют в динамическом равновесии, и контекст определяет, какая из них выйдет на первый план.

Такая множественность открывает возможности и создает вызовы. С одной стороны, сложная идентичность защищает от радикализации: если моя самооценка опирается не только на принадлежность к нации, я менее уязвим для манипуляций, эксплуатирующих национальную гордость. С другой стороны, возможен конфликт лояльностей. Классический пример — ситуация, когда гражданин не согласен с действиями своего правительства и чувствует, что «истинный патриотизм» требует протеста, а не поддержки. Внутренний диалог между идентичностью «лояльного гражданина» и «гражданина-критика» может быть мучительным.

Исследования показывают, что люди с высокой сложностью социальной идентичности проявляют большую толерантность к аутгруппам и менее склонны к предрассудкам. Следовательно, воспитание патриотизма, изолированного от других идентичностей (особенно от общечеловеческой), чревато ксенофобией, тогда как патриотизм, встроенный в широкую идентификационную сеть, тяготеет к конструктивному типу.

4.6. От идентичности к действию: групповая мобилизация

Социальная идентичность — не просто ярлык в сознании, это мотивационный двигатель. Когда идентичность активирована (салиентна), возникает готовность действовать во имя группы. Психологи, изучающие коллективное поведение, выделяют несколько условий, при которых патриотическая идентичность переходит в массовые действия:

- Воспринимаемая несправедливость по отношению к своей группе (реальная или сконструированная);
- Вера в коллективную эффективность («вместе мы можем изменить ситуацию»);
- Эмоциональный резонанс — общее возмущение, воодушевление, горе.

Именно поэтому в моменты национальных трагедий или побед люди стихийно выходят на улицы, неся цветы или флаги. Это не рефлекс, а проявление глубокой идентификации, при которой личная судьба сливается с судьбой нации.

Важно отметить и феномен групповой поляризации: когда патриотически настроенные люди обсуждают проблему в кругу единомышленников, их средняя позиция сдвигается к более радикальной точке. Интернет-эхо-камеры многократно усиливают этот эффект, способствуя дрейфу конструктивного патриотизма в сторону слепого или даже националистического.

4.7. Два лица патриотической идентичности: слепое сли-

ание и зрелая привязанность

Завершая главу, вернемся к сквозному различению слепого и конструктивного патриотизма, но теперь — через призму идентичности. Различие между ними можно описать как разницу в стиле привязанности к национальной группе.

Слепой патриотизм характеризуется:

- Слиянием идентичности: граница между «я» и «страна» размыта настолько, что критика страны ощущается буквально как личное нападение.

- Жесткой предписанностью: образ «настоящего патриота» узок и догматичен; отклонение от него карается исключением из «Мы».

- Условным позитивом: гордость возможна только при условии безупречности страны, отсюда отрицание теневых страниц истории.

Конструктивный патриотизм опирается на:

- Безопасную привязанность: я люблю страну, но моя самооценка не рухнет при столкновении с её несовершенством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.